

СОВЕТСКО(РОССИЙСКО)-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

УДК 94:911(47+5)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-141-150

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И МОНГОЛИИ В НАЧАЛЕ XX В.

© **Урангуа Жамсран**

доктор исторических наук, профессор

E-mail: uranguakhereid@gmail.com

© **Оюундалай**

аспирант

E-mail: wuyundalai1980@163.com

Монгольский государственный университет

Монголия, г. Улан-Батор

После поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Российская империя пересмотрела курс дальневосточной политики. Победоносная для Японии война способствовала росту влияния Японии в Монголии, что стало угрожающим для российско-монгольских отношений в области торговли, политики и экономики; затрагивались интересы России и во Внутренней Монголии.

Стремление военного руководства Японии к завоеванию новых земель и недовольство условиями Портсмутского договора создали чрезвычайную напряженность в русско-японских отношениях, в результате чего в 1907 г. между Японией и Россией был подписан договор. По ст. 3 этого секретного договора Япония признавала наличие специальных интересов России во Внешней Монголии и обязывалась «воздерживаться от всякого вмешательства, способного нанести ущерб этим интересам».

Колонизационная политика цинского двора по отношению к монгольскому населению империи, затрагивающая политико-экономические вопросы, в конечном счете привела к тому, что монгольский вопрос, став делом народным, национальным, затронул каждого монгола. Они искали поддержку извне, а Петербург постепенно начал проявлять не только политический, но и экономический интерес к Внешней Монголии, в итоге монгольские князья обратились к Российской империи за поддержкой в деле отделения от цинского двора.

Ключевые слова: Азия; стратегия; политика; колонизация; запрос.

GEOPOLITICAL INTERESTS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN NORTHEAST ASIA AND MONGOLIA IN THE EARLY 20th CENTURY

Urangua Jamsran

Dr. Sci. (History), Prof.,

National University of Mongolia

E-mail: uranguakhereid@gmail.com

Wuyundalai
Research Assistant,
Mongolian State University of Education
E-mail: wuyundalai1980@163.com

Russians refined a new political strategy in North-East Asia, after their defeat in the Russian-Japanese war (1904–1905). During such consideration, the land of Mongols became important places in their new Far East strategy. Their policies for Inner and Outer Mongolia were not identical. The dissimilarities between the policies are to be identified and interpreted in this paper. For Inner Mongolia, there were competing interest of Japan and Russia. As for the Outer Mongolia, the situation was different, on the grounds that there was impending danger of colonization by Sino China and no interest by the Japanese.

In the beginning of the twentieth century, Qing Dynasty became weakened and was partially colonized by the Western civilization. In order to compensate and to recover from war casualties, weak economy and the rebellion of Chinese farmers, Qing dynasty became interested in colonizing non-Chinese territories, aforesaid, Inner and Outer Mongolia. If mass immigration of Chinese farmers were sent to Outer Mongolia by the Qing Dynasty, the gap between Russia and China would be tightened. For that reasoning, Russians actively reinforced policies to Outer Mongolia. As for the Outer Mongolians, a request for aid was needed from the Tsarist Russia, in order to defend against the colonization attempt by the Qing Dynasty.

Keywords: Asia; strategy; policy; colonization; request.

Монголия присоединилась к цинам как совершенно самостоятельное автономное государство, признающее лишь свою вассальную зависимость от цинского богдо-хана, которого князя признали ханом Монголии, коренным, родовым тайцзуном Манчжурии и императором покоренного Китая. Получилась, собственно говоря, политическая уния трех государств: Монголии, Манчжурии и Китая.

Административное устройство каждому государству было дано свое: Китай сохранил свой древний строй, выработанный на бюрократических началах, Манчжурия получила характер военных поселений, образующих полки (знамена), а Монголия сохранила свое устройство: удельные князья правили своими имениями.

Уважение к монгольской народности со стороны цинского двора было настолько велико, что даже тем монгольским племенам, которые вошли в состав империи как покоренные или в силу добровольного принятия полного подданства, все же были даны значительные автономные права.

С течением времени автономные права, предоставленные Монголии и Манчжурии, обратили на себя внимание правительства, и им были предприняты реформы по уничтожению различий в устройстве. Предпринятые правительством меры по ограничению автономных прав Монголии и привели к постановке монгольского вопроса.

В трудах некоторых исследователей Монголии отражены взгляды, что монгольский вопрос возник под влиянием лам и, главным образом, инспирирован далай-ламой. Не отрицая участия ламства в развитии этого вопроса, считаю, что

монгольский вопрос вырос на почве политико-экономических интересов Монголии, затронутых цинами, имеет социально-аграрные мотивы. Предпринятая ломка вековой самобытной культуры, вековых обычаев страны и всего уклада жизни затронула интересы каждого монгола, придала вопросу обоснованность на почве народного самосознания.

Причины возникновения монгольского вопроса

Цины после захвата всей Монголии, а для этого им понадобилось 120 лет¹, проводили политику изоляции Монголии от внешнего мира. Но эта политика со временем изменилась, а именно: был снят запрет на брак монголов и китайцев, монголам разрешалось изучать китайский язык, были запланированы проведение политики отчуждения монгольских пастбищ для китайских обезземельных крестьян, отказ от политики поддержки ламаизма в Монголии. Причиной тому были изменения, произошедшие в самом Китае.

Результатом подавления выступления ихэтуаней в Китае было закрепление полукOLONиального статуса цинской державы, формально сохранившейся как суверенное государство, однако, в сущности, полностью зависимое от западных держав. На рубеже XIX—XX вв. в окончательном виде сложились сферы влияния западных держав, регионом преимущественного экономического проникновения Англии стал юг Китая, а также провинции среднего течения Янцзы. Сферой влияния Японии становятся провинции нижнего течения Янцзы (главным образом Фуцзянь), Франция стремилась утвердиться в провинциях юга, прилегавших к ее владениям в Индокитае (Юньнань, Гуанси, Гуандун), Германия установила контроль над Шаньдунем, а основные интересы России были сосредоточены в Маньчжурии, где нарастало соперничество с Японией.

Во время войны с Японией (1904–1905 гг.) были отправлены экспедиции, которым удалось завязать сношения с влиятельными князьями, организовать при их содействии отряды из местного населения для охраны нейтральной Монголии и установить бдительный надзор за деятельностью японцев в этой области.

Начальник Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи генерал-лейтенант Чичагов представил на имя начальника пограничной стражи доклад, в котором излагалось современное политическое положение Монголии². Одновременно с работами военно-разведывательного характера цинами Заамурского округа велось изучение края в бытовом, административном и статистическом отношениях, а также наблюдение за настроениями местного населения. Наблюдение это обнаружило существование среди монголов довольно сильного брожения, причиной которого является, прежде всего, колониационная политика цинского правительства.

¹ Внутренняя Монголия в 1636 г., Халха-Монголия в 1691 г. добровольно присоединились к цинам, Западная Монголия была завоевана в 1755–1756 гг.

² Памятная Записка Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи ротмистра Баранова. Июля 20 дня. № 90. РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 313. С. 134.

Колонизация юго-восточной части Внутренней Монголии китайцами началась давно. Но в связи с «Новой политикой»¹ (с 1901 г.) цинского двора она усиливалась. В ходе этого лучшие земли путем захвата постепенно переходят в руки китайцев-колонистов — внутри Восточной Монголии образовалась целая китайская область с собственной администрацией. Во Внешней Монголии, хотя «новая политика» цинов претворялась в жизнь очень медленно, с опозданием ввиду удаленности, все были очень недовольны колонизацией.

Озлобление против китайцев принимало все более острый характер, проявляясь иногда в виде вооруженного сопротивления. По ходатайству одного из князей Восточной Монголии Удая, поддержанного наместником на Дальнем Востоке, в конце 1904 г. с Высочайшего соизволения из казны была выдана ссуда в 200 000 рублей на 15 лет для предотвращения возможности отчуждения монгольских земель в пользу китайских колонистов.

В монгольское общество все глубже проникала идея сепаратизма — образования независимой Монголии. Но для осуществления этой цели монголам необходима была помощь сильного государства, и вот почему их взоры были устремлены на северного соседа — Россию.

Другим обстоятельством, волнующим монголов и поддерживающим их сепаратистские стремления, являлось опасение за прочность власти цинской династии в Китае.

Вызванное указанными причинами брожение сначала охватило Восточную Монголию, а затем распространилось и на другие ее части. Во Внутренней Монголии пропаганда сепаратизма велась преимущественно духовенством, которое встретило в этом отношении поддержку со стороны высшего иерарха ламаизма — Далай-ламы, который находился полтора года во Внешней Монголии (1904–1906), затем собирался посетить Внутреннюю Монголию. Но цинский двор не дал согласие на его поездку во Внутреннюю Монголию. Борьба внутренних монголов против китайских колонистов велась разрозненно, имела местный характер, не имела единого руководства и четких программ действий, поэтому подавлялась.

К беспокойному состоянию монголов присоединилось обстоятельство, способное внести серьезные осложнения в монгольский вопрос и побудившее Россию к вмешательству. На основании Портсмутского договора Мукденская провинция Маньчжурии отошла в сферу влияния Японии. Между тем часть Восточной Монголии, известная под именем Чжэримского сейма и прилегающая к КВЖД, была подчинена наблюдению Мукденского цзянь-цзюня. Так как японцы хорошо понимали ее значение для сухопутных сообщений с Дальним Востоком, существовала вероятность появления деятельности под покровительством цзянь-цзюня по созданию дальнейших затруднений развития России на Дальнем Востоке. Японцы следили за всеми на этой территории, даже командировали в Ургу двух японских агентов под видом студентов, изучающих местный язык.

¹Целью «Новой политики» было стремление приспособиться к изменившимся обстоятельствам, модернизировать экономику страны, аппарат административного управления и колонизация территории с некитайским населением.

Монгольский вопрос, не привлекавший до тех пор внимания, в будущем должен был приобрести первостепенное значение для держав, заинтересованных в упрочении своего положения на Дальнем Востоке. Поэтому с точки зрения интересов России на Дальнем Востоке необходимо было выяснить, какого образа действий ей следует держаться по отношению к Монголии, а именно:

– может ли Россия безучастно отнестись как к обнаружившемуся среди монголов сепаратистскому движению, так и к вероятному превращению Восточной Монголии, а затем и других ее частей в китайскую провинцию, в которой будет хозяйничать Япония,

– может ли Россия, не подвергая опасности свои сообщения с Дальним Востоком, допустить в будущем соседство на протяжении 1000 верст с мирной Монголией или с враждебным Китаем,

– может ли Россия уклониться, если монголы обратятся к ней за помощью и покровительством.

Политика России в Монголии

Победоносная для Японии война способствовала росту влияния Японии и в других областях Монголии, не исключая Халхи. А это представляло политическую и экономическую опасность для России, так как угрожало русской торговле с Монголией.

Министр иностранных дел России писал министру финансов: «Необходимо противодействовать японцам посредством организации Русско-китайского банка». А российский император написал насчет этого: «Весьма серьезный вопрос»¹. После чего Россия начала действовать. Были предприняты следующие меры:

1. Открытие отделения Русско-китайского банка в Монголии для экономического воздействия на наиболее влиятельных монгольских князей путем выдачи денежных ссуд для разные нужды.

Через отделение Русско-китайского банка в Пекине первым получил долгосрочный заем Джеримский князь Удай — 20 000 рублей, Харачинский князь 200 000 рублей (1906 г.), Ма-гун — 50 000 лан и т. д. По договору займа Харачинскому князю русские приобрели возможность периодически посылать своих агентов в его ставку, являющуюся центром деятельности японцев в юго-восточной Монголии, и непосредственно наблюдать за тем, что там происходит. Русские считали, что выдача ссуд монгольским князьям с точки зрения общегосударственных интересов может быть полезна, такой способ помогал обрести влияние и расположение означенных князей, в то же самое время уменьшая задолженность их китайцам и задерживая китайскую колонизацию в Монголии.

2. Установление дружеских отношений с князьями Восточной Монголии и налаживание эффективной работы агентуры. Только при достаточном и удовлетворительном личном составе они были в состоянии действовать в отношении монгольских дел вполне сознательно, не теряя из виду общей цели усилить рус-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 560. Оп. 28. Д. 313. Об усилении политической и экономической деятельности России в Монголии. 1904–1907 гг. 248 л.

ское влияние в Монголии и создать таким образом надежную защиту в условиях быстро развивающейся деятельности японцев в Восточной Монголии.

3. Выделение дополнительного финансирования. В консульство Урги было отправлено 50 000 рублей для оживления сношений с монгольскими князьями и особенно с Ургинским хутухтой и окружающими его лицами. Для развертывания агентурной сети в Внутренней Монголии был рекомендован подполковник Хитрово, а сетью руководил российский посланник в Пекине — действительный статский советник Покотилов.

Намерения монголов Внутренней Монголии

Монгольские князья Внутренней Монголии выработали свою программу. Основным положением программы князья считали потребность получить заверение русского правительства в том, что им будет оказана поддержка в борьбе с цинами и китайцами за свои автономные права, на которые они могут рассчитывать, в случае если конфликт примет острый характер. Князья желали:

1. Сформировать военные сомоны по европейскому образцу, а для этого нужны инструкторы и необходимое оружие и боевые припасы. Если Россия согласится, то им необходимы справки: о цене оружия и патронов, о способах доставки его и, по возможности, о срочном снабжении их оружием.

2. Иметь при своих ставках русских дипломатических чиновников, агентов. Учреждение этих должностей поднимет престиж Монголии, заставит Цинскую империю считаться с князьями и их правами. Монголия становится центром политики на Дальнем Востоке, и назначение дипломатических агентов ответит требованиям времени и принесет России безусловную пользу.

3. Организовать летучую почту, телефонную сеть или телеграф для связи ставок князей с линией дороги.

4. Введения специально для Монголии особой монетной единицы, которая бы формой и видом своим отвечала бы установившемуся в Монголии обычаю вести счет на ланы и фыны и, в случае нужды, могла бы разрубаться на дробные части, главное — имела бы особую чеканку, установленную специально для Монголии. Это объединило бы княжества Монголии. В этом деле Монголия рассчитывала на Россию, конкретно на Русско-китайский банк.

5. Проведения мер по борьбе с колонизацией. Монголам были необходимы более легкие условия займа. Русско-китайский банк дал согласие и монголы надеялись, что колонизация может быть устранена. Россия при этом рассчитывала на появление задолженности Монголии перед Россией как на дополнительный мотив для большего воздействия.

6. Развития торговых отношений с Россией, открытия торговых заведений в наиболее важных пунктах Восточной Монголии.

7. Создания по хошунам русско-монгольских школ. Сначала в Харбине или на ст. Фуляэрди.

8. Издания монгольской газеты по типу китайской «Юань-дун-бао» для духовного объединения Монголии и сближения ее с руководящими принципами русской политики¹.

Но дальнейший ход событий не дал им возможности претворить их сразу.

Отношения восточных монголов с царской Россией в связи с секретными соглашениями 1907 и 1910 гг. между Россией и Японией получили иной характер.

В конвенции 1907 г. по общеполитическим вопросам, подписанной 17(30) июля в Петербурге, секретная часть фиксировала раздел Северно-Восточного Китая (Маньчжурии) на русскую (северную) и японскую (южную) сферы влияния. Япония обязывалась не приобретать железнодорожных и телеграфных концессий в русской зоне, Россия — в японской [1, с. 225].

Соглашение от 21 июня (4 июля) 1910 г., подписанное в Петербурге А. П. Извольским со стороны России и И. Мотоно со стороны Японии, развивало принципы русско-японского общеполитического соглашения 1907 г. В секретной части Россия и Япония обязывались не нарушать «специальных интересов» друг друга в их сферах влияния в Маньчжурии, установленных соглашением 1907 г., не противодействовать дальнейшему укреплению этих интересов, воздерживаться от политической активности в сфере специальных интересов другой стороны, консультироваться о совместных мерах защиты в случае угрозы их интересам в Маньчжурии [1, с. 236].

В результате вышеупомянутых договоров Внутренняя Монголия вошла в зону интереса Японии, а Внешняя Монголия — в область влияния царской России. Так были решены вопросы соперничества России с Японией за Монголию.

Внешняя Монголия

Монголия почти с середины XIX в. входила в сферу российского экономического и политического влияния, являлась объектом договоров и соглашений между Россией и империей Цин: Айгуньского и Тяньцзиньского договоров 1858 г., Пекинского договора 1860 г., Правил сухопутной торговли 1862 г., Санкт-Петербургского договора 1881 г. В Урге в 1861 г. открылось русское консульство. Россия была очень заинтересована в усилении экономического и политического влияния в этом регионе² (2; 4; 5) и тем самым выступила главной точкой опоры в перспективе обретения Монголией отделения от цинского двора [3, с. 18].

Жители Монголии, которые более 200 лет находилась под иностранным контролем, не стали забитым народом и не потеряли боевого духа. В связи с колонизационной политикой цинов Монголия превратилась в мятежный край. В разных частях страны вспыхивали выступления против маньчжуров и китайских ростовщиков. Маньчжуры отвечали на это репрессиями и значительным усилением своих гарнизонов [3, с. 23].

Наряду со стихийными выступлениями и волнениями в это время влиятельные деятели монгольской знати и церковной элиты начали объединяться.

¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 313. Об усилении политической и экономической деятельности России в Монголии. 1904–1907 гг. 248 л.

² Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 32. Оп. 1. Д. 33. Секретные телеграммы и донесения по Маньчжурскому вопросу.

В 1900 г. глава буддийской церкви Монголии Богд Жэбзундамба хутухта VIII отправил в Россию своих посланцев под видом прошения займов от России, основной же целью было узнать мнение русских по вопросу отделения монголов от цинов [4, с. 15].

В августе 1911 г. морской министр России вице-адмирал И. К. Григорович провел несколько совещаний по вопросам политики на Дальнем Востоке, включая Монголию. Особенный интерес представляли планы России относительно дальнейших действий в Монголии, основанные на донесениях и отчетах военно-морских агентов и сотрудников консульских служб, в том числе в Урге.

Из секретного донесения тайного советника Шишмарёва из Урги от 2 мая 1909 г. за № 531 по вопросу о положении во Внешней Монголии:

«Монгольским ханам и князьям, вызванным в Ургу, был предложен на обсуждение и заключение устав Богдо-хана (по поводу “новой политики” манчжуров. — Ж. У.) по следующим вопросам:

1. О представительстве от Монголии на будущем пекинском парламенте.
2. О реформе монгольского управления и об учреждении губернаторства в Урге.
3. О земледелии.
4. О военном устройстве и обучении войск.
5. О необходимости народного образования — всего в 200 пунктах»¹.

Предполагаемая реформа в области военного дела в Халхе, где было принято решение о замене отрядов монгольской пограничной стражи китайскими регулярными войсками, для России представлялась крайне невыгодной, так как в то время у россиян сохранялись дружеские отношения с монгольскими воинами-пограничниками. А во-вторых, отряды китайских войск станут опорными пунктами китайской колонизации приграничной полосы с возникновением густонаселенных военных поселений.

Надо отметить, что китайцы действовали чрезвычайно активно: в шести верстах от Урги недалеко от урочища «Российский дэнж» приступили к постройке казарм на 7–8 тысяч человек, а всеми работами руководили ургинские китайские подрядчики. Китайцы устанавливали телефонную связь между Ургой и Кяхтой.

Донесение коллежского асессора Лавдовского из Урги от 18 июня 1911 г.:

«Усиленные военные приготовления китайцев, наконец, обратили на себя внимание монгольских князей, которые намерены обратиться к правительству с запросом о целях этих приготовлений. В настоящее время мысль о подданстве или покровительстве России весьма распространена среди монголов как низшего сословия, так и князей и духовенства. Если такое случится, то это окажет весьма сильное влияние на направление нашей политики в Монголии. Нет сомнения — наше вмешательство в монгольские дела вызовет осложнения на Дальнем Востоке. Но, с другой стороны, если мы откажем монголам в покровительстве, то потеряем и, вероятно навсегда, то огромное влияние и те симпатии, которыми мы теперь пользуемся в этом крае. И нам придется, быть может, увидеть, как другая держава появится и займёт наше место в Монголии».

¹ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1039. Л. 14–18.

15 июля Лавдовский срочно телеграфировал в консульство: «Совещание князей окончилось. После долгих прений все пришли к заключению, что проводимые китайцами реформы направлены к окончательному порабощению Монголии. Протесты против действий китайцев признали бесполезными», оставалось только покровительство России.

Следующая телеграмма Лавдовского от 16 июля: «Выборные от Халхаских князей и духовенства в составе князя Первой Степени Хандадорджи и помощника Шанзодбы Даламы — чимита со свитой в пять человек тайно выехали сегодня в С. Петербург».

Князья, собравшись в июне 1911 г. в Урге, постановили соединиться под главенством ургинского хутухты и отсоединиться от Китая, но, понимая несоизмеримость сил и свою заведомо проигрышную позицию, они обратились к России.

25 августа 1911 г. в Петербурге состоялось Особое совещание по делам Дальнего Востока. На совещании присутствовали председатель Совета министров П. А. Столыпин, министр финансов В. Н. Коковцов, морской министр вице-адмирал И. К. Григорович, министр торговли и промышленности Тимашев. Участники совещания «обсуждали вопрос о прибытии в Петербург делегации из Монголии с целью просить императора принять Монголию под протекторат России» и приняли итоговую резолюцию, представлявшую определенный интерес¹.

При обсуждении монгольского вопроса участники совещания подчеркивали: делегация из Монголии просит императора принять Монголию под протекторат России. Китайское правительство задумало преобразовать управление Монголией, пользовавшееся значительной автономией и являвшееся скорее вассальным владением царствующей в Китае династии, в частности поставить Халху в одинаковое положение с провинциями Внутреннего Китая.

Китай начал предпринимать шаги в этом направлении и спланировал колонизировать монгольские земли, распространить на Монголию действие Горного устава и связать Халху с Пекином железными дорогами. Далее руководство Китая намеревалось упразднить большую часть буддийских монастырей в этой области, расквартировать в Монголии регулярные китайские войска, а конницу набрать из монголов.

Стоит подчеркнуть, что русское правительство понимало опасность такой политики Китая для самобытного строя Монголии, для ее населения, в протоколе Особого совещания записано: «Принимать на себя деятельную роль в монгольском вопросе и тем самым ослаблять наше влияние в делах Запада весьма нежелательно. Но, с другой стороны, напористая экспансия Китая также невыгодна и тревожна для России, поэтому в наших интересах поддержать монголов» [1, с. 202].

Заключение

С конца XIX — начала XX в. Монголия постоянно находилась в сфере пристальных интересов руководства России — в общем контексте проведения политики на Дальнем Востоке. Чтобы противостоять набиравшим силу Японии и Ки-

¹ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2918.

таю и владеть достоверной информацией об обстановке в Северо-Восточной Азии русский Генеральный штаб направлял в Монголию экспедиции и офицеров. Как показывают архивные материалы, отчеты и рапорты экспедиций офицеров своему руководству в совокупности с донесениями русских атташе из Пекина и донесениями консулов позволяли российскому руководству выстраивать политическую линию на Дальнем Востоке, контролировать обстановку и прогнозировать стратегическую перспективу действий в Монголии.

Когда князья Северной Монголии обратились за помощью к России, было принято решение: «Наиболее отвечающим нашим политическим задачам и обстановке настоящего политического момента было бы, чтобы Императорское Правительство, не выступая активно в монгольском вопросе и не принимая на себя обязательство силой оружия отстаивать задуманное монголами Халхи отложение от Китая, выступило посредником между ними и поддержало дипломатическим путем стремление монголов сохранить свою самобытность, не порывая с их сюзеренами — императорами Дайцинской династии». Соответственно, посланнику в Пекине было поручено провести в дружеской и благожелательной форме переговоры, а монгольской делегации дано объяснение о невыполнимости в настоящую минуту задуманного монголами полного отсоединения от Китая, но была обещана поддержка в борьбе с китайцами за сохранение самобытного строя Халхи. Обещаны заступничество перед китайцами и защита всех членов делегации, чтобы они не боялись мести китайцев. Для этого предполагалось усилить присутствие в Урге вооруженной группировки войск и охрану консульства двумя сотнями казаков с пулеметами. Эта помощь сыграла немаловажную роль в деле отделения от цинов и провозглашения независимости Внешней Монголии в декабре 1911 г.

Литература

1. Гримм Э. Д., Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. 219, III с.
2. История Монголии. XX век. / гл. ред. Р. Б. Рыбаков; отв. ред. Г. С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с. (Сер. История стран Востока. XX век)
3. Жамсран Л. Начало возрождения Монголии в XX в. Улаанбаатар, 1997. С. 23.
4. Урангуа Ж. Российский фактор в завоевании независимости Монголии (1911–1917 гг.). Улаанбаатар, 2011. С. 15.